

Разбитое сердце

18+

Нина Кислицына

Разбитое сердце

«Автор»

2026

Кислицына Н.

Разбитое сердце / Н. Кислицына — «Автор», 2026

Софи пришлось бежать из своего города в другой из - за преследования ненормального бывшего. Она была почти уверена, что смогла спрятаться и начала новую жизнь, оставив прошлое позади. Но.. устроившись на работу и влюбившись в своего начальника, тень прошло снова вернулась в её уже налаженную жизнь... И теперь под угрозой её отношения с любимым человеком.

© Кислицына Н., 2026

© Автор, 2026

Нина Кислицына

Разбитое сердце

ГЛАВА 1

Дождь начался, когда автобус свернул с трассы на городскую объездную. Софи сидела у окна, прижавшись виском к холодному стеклу, и смотрела, как капли разбиваются о прозрачную поверхность и ползут вниз, сливаясь в извилистые ручейки. За окном проплывали серые многоэтажки, мокрые вывески, неоновые буквы, которые в отражении на асфальте превращались в цветные кляксы. Город, в котором она никогда не была. Город, который выбрала не потому, что он ей нравился, а потому, что о нём не знал никто из её прошлой жизни.

Она сжала ручку сумки, стоявшей на коленях. Сумка была старая, кожаная, с потёртым углом — Софи таскала её ещё с института. Внутри лежали документы, зарядка, помада, ключ от съёмной квартиры, который ей переслали курьером за два дня до отъезда, и конверт с деньгами. Всё, что осталось от прежней жизни, уместилось в одну сумку и два чемодана в багажном отделении.

Она не оглядывалась, когда уезжала. Просто вышла из дома, села в такси и попросила отвезти на автовокзал. Мать звонила потом, конечно. И подруги — те самые, которые сначала верили ей, а потом перестали брать трубку. Софи не отвечала. Она сменила номер ещё в дороге, выбросила старую сим-карту в урну на заправке и почувствовала, как вместе с ней из её жизни исчезает последний канал, по которому её можно было найти.

Бывший умел ждать. Он был из тех людей, которые не отступают, пока не сломают до конца. Сначала он просто не принял расставания. Потом начались звонки. Потом — сообщения, в которых он то умолял, то угрожал. Потом он нашёл способ настроить против неё всех: коллеги стали отводить глаза, лучшая подруга перестала звонить, мать в трубку говорила с ней так, будто Софи была в чём-то виновата. Он рассказывал им что-то, выворачивал правду наизнанку, превращал её в истеричку, в изменницу, в сумасшедшую, которая всё придумала. И они верили. Верили, потому что он умел говорить. Потому что слёзы у него появлялись тогда, когда нужно, и голос дрожал ровно в тот момент, когда требовалось добить.

Софи закрыла глаза. Она не хотела больше об этом думать. Не сегодня. Сегодня — первый день новой жизни, а в новой жизни нет места воспоминаниям.

Автобус остановился на вокзале. Софи встала, поправила ремень сумки на плече и пошла к выходу. Пахло бензином, мокрым асфальтом и жареными пирожками из привокзального ларька. Она шагнула на перрон и вдохнула холодный воздух. Дождь почти закончился, но небо оставалось низким, затянутым тучами, как будто город ещё не решил, пускать её или нет.

Она достала из кармана телефон, открыла карту и пошла пешком — адрес был в пятнадцати минутах ходьбы, и тащить чемоданы по мокрым улицам было лучше, чем ловить такси у вокзала, где водители заламывали цену втридорога. Чемодан на колёсиках подпрыгивал на стыках тротуарной плитки. Второй, поменьше, Софи несла в руке, перекладывая его то в левую, то в правую, пока пальцы не заныли от ручки.

Квартира оказалась на четвёртом этаже панельной девятиэтажки, в глубине двора, за рядом тополей. Дверь открылась с трудом — замок пришлось поддеть плечом. Внутри пахло чужим ремонтом: свежей краской, шпаклёвкой и чем-то ещё, неуловимо пустым. Софи прошла в комнату, поставила чемоданы у стены и встала посреди пустого пространства.

Квартира была однокомнатная, с маленькой кухней и ещё меньшим санузлом. Мебели почти не было: диван у окна, стол у стены, два стула. На подоконнике — засохший кактус в пластиковом горшке, оставленный прежними жильцами. Софи подошла, потрогала сухую землю пальцем. Потом налила в стакан воды из-под крана и осторожно полила растение, хотя понимала, что, скорее всего, уже поздно.

Она распаковала сумку не сразу. Сначала долго стояла у окна, смотрела во двор: детская площадка с покосившимися качелями, лавочка, на которой сидел мужчина в капюшоне и курил, мусорные баки у арки. Обычный двор, обычный город. Тихий. Здесь никто не знал её имени, никто не смотрел с осуждением, никто не шептался за спиной.

Софи выдохнула — впервые за долгое время так, что плечи опустились.

Завтра первый рабочий день. Новая фирма, новая должность, новый коллектив. Она устроилась по объявлению — прислала резюме, прошла собеседование по видеосвязи. Женщина из отдела кадров говорила устало, быстро перечисляла условия: оклад, график, испытательный срок. Софи почти не слушала, она уже тогда знала, что согласится на любые условия, лишь бы работа была в другом городе.

Она разделась, приняла душ. Вода была чуть тёплой, напор слабый, но ей было всё равно. Она стояла под струями, упершись ладонями в кафельную стену, и чувствовала, как смывается дорога — пыль, пот, чужие взгляды из автобуса, липкий страх, который не отпускал всю дорогу.

Потом она натянула чистую футболку, забралась на диван, укрылась пледом, пахнущим стиральным порошком, и долго лежала, глядя в потолок. На потолке трещина расходилась от люстры к углу, как молния на снимке грозы.

Софи думала о том, что завтра всё начнётся заново. И о том, что прошлое — это просто багаж, который можно оставить за дверью.

Она так и уснула, не выключив свет, прижимая к груди телефон с новой сим-картой, в которой не было ни одного знакомого номера.

Утром её разбудил будильник, который она забыла выключить с дороги, — телефон завибрировал на подушке, и Софи вздрогнула, не сразу сообразив, где находится. Незнакомый потолок, серая трещина от люстры к углу, запах краски и чужой мебели. Потом память вернулась, и она выдохнула.

Она встала, подошла к окну. Дождь за ночь прекратился, но асфальт ещё блестел, а тополя стояли мокрые, тёмные, с каплями на листьях. Двор был пуст, только женщина с сумкой-тележкой шла к арке, обходя лужи.

Софи открыла чемодан и выложила на диван одежду, которую приготовила для первого дня. Тёмная юбка до колен, белая блузка, пиджак. Простые вещи, ничего вызывающего. Она хотела выглядеть как человек, на которого можно положиться, — как та, кем собиралась стать. Не ярко, не заметно, просто чисто и по-деловому.

В ванной она долго стояла перед зеркалом. Лицо было уставшим, под глазами — тени, но в целом ничего, что выдавало бы бессонную ночь в автобусе. Софи умылась ледяной водой, собрала волосы в низкий хвост, тронула губы бесцветным бальзамом. Потом отошла на шаг, оглядела себя с ног до головы и кивнула отражению.

— Ну что, Софи, — тихо сказала она, — начинаем заново.

Голос прозвучал чуждо, гулко в пустой ванной, но это было неважно. Важно было сказать это вслух.

Офис находился в центре, в старом кирпичном здании с высокими окнами и вывеской у входа. Софи шла по улице, придерживая сумку, и повторяла про себя имена, которые слышала на собеседовании: отдел кадров — Марина Викторовна, бухгалтерия — на втором этаже, её будущий кабинет — на третьем. Она не знала почти никого из будущих коллег, и от этого внутри было одновременно страшно и легко.

У входа стоял парень с бейджем и стаканчиком кофе, разговаривал с кем-то по телефону. Он скользнул по Софи взглядом, кивнул рассеянно и отвернулся. Она поднялась по ступенькам, толкнула тяжёлую стеклянную дверь и вошла в холл.

Внутри пахло кофе и бумагой. На посту сидел охранник, листал газету. Софи подошла, назвалась, он сверил её с каким-то списком, потом махнул рукой в сторону лифта:

— Третий этаж, кабинет триста четыре.

Она поднялась на лифте, поправила блузку перед закрытыми дверями, глубоко вдохнула. Когда створки разъехались, перед ней оказался длинный коридор с серым ковровым покрытием и рядом дверей. Где-то звонил телефон. Из приоткрытой двери пахло принтером и свежей выпечкой — видимо, кто-то завтракал на рабочем месте.

Кабинет триста четыре оказался в самом конце коридора. Софи постучала, дождалась короткого «войдите» и шагнула внутрь.

За столом сидела женщина лет пятидесяти, с короткой стрижкой и в очках на цепочке. Она подняла голову, взглянула на Софи поверх стёкол и улыбнулась устало, но приветливо.

— Софи? Проходите. Я Марина Викторовна, мы с вами созванивались.

— Да, доброе утро.

— Присаживайтесь.

Софи села на стул напротив, положила сумку на колени. Марина Викторовна достала из папки несколько листов, подвинула ей.

— Сейчас подпишем документы, потом проведу вас по отделам, покажу рабочее место. Начальник сегодня будет после обеда, но вы с ним ещё познакомитесь.

Софи кивнула. Рука, которой она взяла ручку, чуть дрожала, но она постаралась писать ровно. Подписи, даты, заявление. Всё это делало переезд настоящим — не сном, не побегом, а решением, у которого есть последствия.

Когда с бумагами было покончено, Марина Викторовна поднялась.

— Пойдёмте. Покажу, где что.

Они шли по коридору, и женщина коротко рассказывала: здесь бухгалтерия, здесь отдел продаж, здесь архив. Софи слушала, кивала, стараясь запомнить лица. Люди поднимали головы от мониторов, смотрели на неё с тем вежливым любопытством, с каким смотрят на новеньких, — без злобы, но и без тепла.

Её рабочее место оказалось в общем зале, у окна. Стол, компьютер, офисный стул, полка с пустыми папками. Софи провела ладонью по столешнице — прохладная, чистая.

— Осваивайтесь, — сказала Марина Викторовна. — Я в конце коридора, если что понадобится.

Она ушла, и Софи осталась одна. Она села за стол, включила компьютер, разложила ручки в стакане. Всё было новое, чужое, но это не пугало. Наоборот, внутри появилось тихое, почти забытое чувство — что она справляется.

До обеда она разбирала почту, читала внутренние инструкции, запоминала, где что лежит. Соседка справа, женщина с рыжими волосами и веснушками, представилась Катей и показала, где стоит кулер и где можно разогреть еду. Софи поблагодарила, но запомнила только, что кофе в этом здании варят на первом этаже, в буфете, и что к нему дают булочки.

В обед она не пошла — не хотелось тратить деньги и показываться лишней раз. Достала из сумки яблоко, съела его у окна, глядя на крыши соседних домов. Город жил своей жизнью: гудели машины, внизу шли люди с пакетами и стаканами кофе, у перекрёстка светофор мигал жёлтым.

Софи подумала о том, что где-то в этом городе, возможно, есть человек, который однажды станет для неё важным. Или не станет. Или это вообще не тот город, в котором случается что-то хорошее. Она не знала. Она просто стояла и ела яблоко, и ей было спокойно.

После обеда в зал зашла Марина Викторовна, а с ней — высокий мужчина. Софи не сразу подняла голову, она заканчивала письмо, и только когда тень упала на её стол, обернулась.

Он стоял в проходе, заложив руки в карманы брюк, и смотрел на неё. Тёмные волосы, чуть тронутые сединой на висках, прямой нос, лёгкая щетина, которая делала его лицо не строгим, а скорее усталым и собранным одновременно. Пиджак он снял — перекинул через руку, и белая рубашка была расстёгнута на верхнюю пуговицу.

— Это ваш новый сотрудник, Давид Артурович, — сказала Марина Викторовна. — Софи, наш генеральный директор.

Софи поднялась со стула, чувствуя, как внутри всё подбирается от неожиданности. Она почему-то представляла начальника старше, суше, с залысиной и очками. А перед ней стоял мужчина, от которого веяло чем-то совсем другим — спокойной, уверенной силой, той, что не нуждается в том, чтобы её демонстрировать.

— Здравствуйте, — сказала она, и голос вышел тише, чем хотелось.

Давид шагнул ближе, протянул руку. Ладонь у него была тёплая, сухая, пожатие — крепкое, но не долгим. Он задержал её руку на секунду дольше, чем положено, и Софи почувствовала, как по спине пробежал холодок, совсем не похожий на страх.

— Софи, — повторил он, будто пробуя её имя на вкус. — Добро пожаловать.

Она кивнула, отняла руку, села. Давид ещё мгновение смотрел на неё, потом перевёл взгляд на её стол, на разложенные ручки, на яблочный огрызок, который она не успела выбросить.

— Осваиваетесь?

— Да, — ответила Софи. — Изучаю документы.

— Хорошо. Если будут вопросы — мой кабинет дальше по коридору, последняя дверь.

Он сказал это спокойно, даже равнодушно, но Софи поймала себя на том, что не может отвести от него глаз. В нём было что-то, что заставляло её держать спину прямее и дышать чуть глубже.

Давид кивнул Марине Викторовне, развернулся и пошёл к выходу из зала. Софи смотрела ему вслед, пока дверь не закрылась, и только потом поняла, что всё это время сжимала в пальцах ручку.

Весь оставшийся день она ловила себя на том, что прислушивается к шагам в коридоре. Работа не клеилась: письма она перечитывала по два раза, в таблице путала строки, а один раз отправила документ не тому адресату и потом долго писала извинительное письмо, чувствуя, как горят щёки.

Катя, соседка справа, в конце дня обернулась к ней и сказала, понизив голос:

— Ты не бойся, он не кусается. Строгий только с теми, кто водит его за нос. А с остальными — нормальный.

Софи хотела ответить, что ей всё равно, но промолчала. Слишком явная ложь прозвучала бы неубедительно.

В половине седьмого она выключила компьютер, сложила бумаги стопкой, убрала ручки в стакан. Зал почти опустел, только в дальнем углу кто-то ещё щёлкал клавиатурой. Софи накинула пиджак, поправила волосы и вышла в коридор.

У лифта она остановилась. Двери открылись, и оттуда вышел Давид — уже в пиджаке, с папкой под мышкой. Он заметил её, замедлил шаг.

— Уже уходите?

— Да, — ответила Софи, отступая на полшага, чтобы пропустить его.

Он не торопился уходить. Стоял напротив, смотрел на неё тем же спокойным, изучающим взглядом, от которого у неё почему-то пересыхало в горле.

— Как первый день?

— Нормально. Понемногу осваиваюсь.

— Если что-то не так — говорите сразу. Не терпите. В этом здании не любят, когда проблемы замалчивают.

Софи подняла на него глаза. Он сказал это без улыбки, серьёзно, и на секунду ей показалось, что он видит больше, чем говорит.

— Хорошо, — сказала она.

Давид кивнул, прошёл мимо неё по коридору, и Софи вошла в лифт. Двери закрылись, и только тогда она выдохнула.

ГЛАВА 2

На улице было тепло, пахло мокрой листвой и вечерним городом. Софи шла к остановке, а в голове крутилось одно: его взгляд. Не жадный, не липкий — просто внимательный. Так смотрят на человека, которого хотят понять, а не раздеть глазами. И от этого было почти неловко.

Она купила в супермаркете у дома хлеб, молоко, пачку макарон и банку томатной пасты. Дома разулась, переоделась в футболку, сварила макароны. Ела стоя у окна, глядя, как во дворе загораются окна и у подъезда собираются подростки. Город казался ей чужим, но уже не враждебным. Просто городом, в котором она пока не нашла своего места.

Перед сном Софи снова подошла к кактусу на подоконнике. Проверила землю пальцем — всё ещё влажная после вчерашнего. Она не знала, выживет ли он, но почему-то хотелось, чтобы выжил.

Она легла в постель, натянула плед до подбородка и закрыла глаза. За стеной тихо гудел холодильник, где-то наверху двигали мебель. Мысли о Давиде она гнала, но они возвращались — мягкие, неотвязные, как запах чужого ремонта, который ещё не выветрился из комнаты.

Софи перевернулась на бок и заставила себя думать о завтрашнем дне. О работе. О документах, которые надо разобрать. О том, что прошлое осталось за дверью и пусть там и остаётся.

Уснула она быстро, но сон был неглубокий, тревожный, будто она всё время ждала, что телефон завибрирует и на экране высветится чужой, знакомый до тошноты номер.

Но телефон молчал.

Следующие дни слились в один длинный, ровный ритм: утро, дорога через город, офис, документы, вечер. Софи вставала рано, варила себе кофе в турке, которую купила в хозяйственном на углу, и выходила из дома за час до начала рабочего дня, чтобы успеть пройти пешком, а не трястись в переполненном автобусе.

Работа оказалась не сложнее той, что была у неё раньше, но коллектив был другой — тише, спокойнее. Никто не шептался за её спиной, не замолкал, когда она входила. Катя угощала её домашним печеньем и рассказывала, кто с кем дружит, кого лучше не злить и почему в пятницу все собираются в буфете на первом этаже. Софи слушала вполуха, кивала, и постепенно её перестало тянуть сжиматься при каждом резком звуке.

Давида она видела редко. Он проходил через общий зал утром, здоровался коротко, не задерживаясь, иногда останавливался у чьего-нибудь стола с вопросом. Софи ловила себя на том, что замирает, когда он появляется в дверях. Сердце начинало биться чаще, ладони становились влажными, и она злилась на себя за это — как девчонка, честное слово.

Он же, казалось, не замечал её вовсе. Нет, не совсем так: здоровался он с ней всегда, и каждый раз взгляд задерживался на секунду дольше, чем нужно. Но этим всё и ограничивалось. Никаких намёков, никаких лишних слов. И Софи убеждала себя, что ей это только кажется.

На четвёртый день её вызвали к нему в кабинет.

— Давид Артурович просил зайти, — сказала Марина Викторовна, остановившись у её стола. — По поводу квартального отчёта.

Софи кивнула, поправила блузку, взяла папку с бумагами и пошла по коридору к последней двери. Перед кабинетом она на секунду задержалась, выровняла дыхание, потом постучала.

— Войдите.

Он сидел за столом, в очках, которых она раньше на нём не видела. Это делало его лицо строже, взрослее. Он поднял голову, кивнул на стул напротив.

— Садитесь.

Софи села, положила папку на край стола. В кабинете пахло кофе и дорогим одеколоном — едва уловимо, так, что хотелось вдохнуть ещё раз.

— Я просмотрел ваши бумаги, — сказал Давид, откидываясь на спинку кресла. — Вы быстро втянулись. Для человека, который неделю назад пришёл с улицы, это неплохо.

— Спасибо.

— Это не комплимент. Это факт.

Софи не знала, что ответить, и просто кивнула. Давид смотрел на неё, и под этим взглядом ей казалось, что она сидит на стуле слишком прямо, что блузка мягкая, что волосы выбились из хвоста.

— Откуда вы переехали? — спросил он вдруг.

— Издалека.

— Это не ответ.

— Из Кленова, — сказала Софи, называя город, которого на самом деле не существовало, — она не хотела, чтобы её легко было найти даже в анкете.

Давид прищурился, будто хотел спросить ещё что-то, но передумал.

— Ладно. Не хотите говорить — не надо. У каждого есть то, что он не выставляет напоказ.

Софи почувствовала, как внутри всё напряглось. Он сказал это спокойно, без давления, но именно поэтому прозвучало опаснее, чем прямой вопрос.

— Я не то чтобы не хочу, — сказала она тихо. — Просто не люблю вспоминать.

Он кивнул — так, будто понял больше, чем она сказала.

— Вспоминать не обязательно. Достаточно не врать себе о том, что было.

Она подняла на него глаза. Он смотрел серьёзно, без улыбки, и в этом взгляде не было ни жалости, ни любопытства — только внимание. Такое, от которого хочется рассказать всё, лишь бы он продолжал так смотреть.

Софи опустила взгляд на свои руки, лежавшие на папке.

— Я постараюсь, — сказала она.

— Вот и хорошо. По отчёту: я пометил места, где цифры не сходятся. Посмотрите и пересчитайте к пятнице.

Он подвинул к ней папку. Их пальцы почти соприкоснулись — Софи взяла бумаги быстрее, чем нужно, и он заметил это, но ничего не сказал.

— Спасибо, — повторила она.

— Софи.

Она остановилась уже у двери, обернулась.

— Если вам понадобится помощь — с работой или с чем-то ещё — не молчите. Я здесь не для того, чтобы вы боялись меня.

— Я вас не боюсь, — сказала она, и сама удивилась, как твёрдо это прозвучало.

Давид усмехнулся — едва заметно, уголком рта.

— Вот и не надо.

Софи вышла, прикрыла за собой дверь и прислонилась к стене в коридоре. Сердце колотилось так, что отдавалось в висках. Она прижала папку к груди и глубоко вдохнула, стараясь унять дрожь.

Вечером, дома, она долго сидела над отчётом, но цифры не складывались — не потому, что были сложными, а потому, что перед глазами всё время вставало его лицо. Очки, которые он снял, когда она вошла. Пальцы, почти коснувшиеся её руки. Слова: «Я здесь не для того, чтобы вы боялись меня».

Софи захлопнула папку и уронила голову на скрещённые руки.

Она не имела права. Не сейчас. Не с ним.

В пятницу она сдала отчёт раньше срока. Цифры сошлись, и Софи позволила себе выдохнуть — впервые за неделю что-то в её жизни поддалось контролю. Вечером Катя напом-

нила, что все собираются в буфете: не корпоратив, просто посиделки перед выходными, кофе, пирожные, разговоры ни о чём.

— Ты обязана пойти, — заявила она, застёгивая пальто. — Первая неделя закончилась, надо это отметить.

Софи хотела отказаться. Сказать, что устала, что дома ждут неразобранные вещи. Но Катя смотрела так, что возражать было неловко, и Софи кивнула.

В буфете было шумно и тепло. Пахло корицей и свежемолотым кофе. За столиками сидели сотрудники — кто-то смеялся, кто-то листал телефон, кто-то спорил о вчерашнем футболе. Софи взяла себе чай с лимоном и села с краю, рядом с Катей, стараясь занимать как можно меньше места.

Она пила чай и слушала, как коллеги перебрасываются шутками. Её почти не трогали, лишь изредка задавали вежливые вопросы — где жила раньше, нравится ли город. Софи отвечала коротко, улыбалась, и постепенно напряжение внутри ослабевало.

Давид появился неожиданно. Он вошёл в буфет, оглядел собравшихся, и на секунду разговоры стали тише — так всегда бывает, когда входит начальник. Кто-то махнул ему рукой, предлагая место. Он кивнул, но сначала подошёл к стойке, взял кофе, и только потом обвёл зал взглядом, будто искал кого-то.

Софи почувствовала этот взгляд, ещё не подняв головы. Он скользнул по ней — и задержался.

Она сделала вид, что рассматривает свою чашку. Когда подняла глаза, Давид уже разговаривал с женщиной у окна, но Софи готова была поклясться, что мгновением раньше он смотрел именно на неё.

— Ой, кажется, наш директор сегодня в хорошем настроении, — шепнула Катя, толкнув её локтем. — Это редкость. Обычно он по пятницам как туча.

Софи промолчала. Она сделала глоток чая, и он показался ей слишком горячим, обжигающим нёбо.

Через полчаса народ начал расходиться. Софи тоже поднялась, попрощалась с Катей и направилась к выходу. В коридоре было пусто и тихо, шаги гулко отдавались от стен. Она уже взялась за ручку входной двери, когда сзади раздался голос:

— Софи.

Она обернулась. Давид стоял в нескольких шагах, держа в руке пиджак, перекинутый через плечо. Пиджак снял, рубашка слегка помята после рабочего дня, верхняя пуговица расстёгнута.

— Вы домой? — спросил он.

— Да.

— Вам далеко?

— Минут сорок пешком.

— Я подвезу.

Это прозвучало не как предложение, а как решение. Софи покачала головой:

— Не стоит. Я люблю ходить пешком.

— Поздно уже. И дождь начинается.

Она прислушалась — за стеклянной дверью действительно моросило, по асфальту расходились мелкие круги.

— Мне недалеко, — повторила она, но голос прозвучал неуверенно.

Давид шагнул ближе. Теперь между ними было меньше вытянутой руки. Софи чувствовала исходивший от него запах — кофе и тот самый одеколон, горьковатый, тёплый.

— Я не сделаю вам ничего плохого, Софи, — сказал он негромко. — Просто довезу до дома. Это не свидание.

Она подняла на него глаза. В его взгляде не было насмешки — только спокойное, почти усталое терпение человека, который привык, что ему не доверяют.

— Хорошо, — сдалась она. — Спасибо.

Машина у него была тёмная, с кожаным салоном, пахнувшая тем же одеколоном. Софи села на пассажирское сиденье, пристегнулась, положила сумку на колени. Давид завёл двигатель, и в салоне тихо заиграла музыка — что-то инструментальное, медленное.

— Адрес?

Она назвала улицу. Он кивнул, тронулся. Дворники мерно скользили по стеклу, размазывая капли. Город за окном расплывался в огнях — жёлтых, красных, белых.

Некоторое время ехали молча. Софи смотрела в окно, стараясь не коситься на его руки на руле — сильные, с проступившими венами, с часами на запястье.

— Вы всегда такая настороженная? — спросил Давид, не отрывая взгляда от дороги.

— Только с незнакомыми людьми.

— Я ваш начальник. Мы не знакомы.

— Мы знакомы неделю. Это не считается.

Он хмыкнул.

— Справедливо.

Машина притормозила у светофора. Давид повернулся к ней, и Софи почувствовала на себе его взгляд — не быстрый, не скользкий, а внимательный, как в тот первый день в кабине.

— Тогда, может, стоит это исправить? — сказал он.

— Что именно?

— Познакомиться лучше.

Сердце у Софи пропустило удар. Она отвернулась к окну, сделала вид, что разглядывает вывеску аптеки на углу.

— Зачем? — спросила она тихо.

— Затем, что вы мне интересны. И я вам, кажется, тоже.

Она резко повернула голову.

— С чего вы взяли?

Давид улыбнулся — спокойно, без самодовольства.

— С того, как вы смотрите на меня, когда думаете, что я не вижу.

Софи открыла рот, чтобы возразить, но слова не находились. Щёки залило жаром. Хорошо, что в салоне было темно и он не мог этого видеть.

— Я так не смотрю, — выдавила она наконец.

— Как угодно.

Машина тронулась. До её дома оставалось два поворота. Софи сидела, вцепившись в сумку, и чувствовала, как бешено колотится сердце.

— Я не ищу отношений, — сказала она, не глядя на него. — Совсем.

— А я и не предлагаю отношения. Я предлагаю поужинать. Один раз. Просто поговорить.

Она промолчала. Давид свернул во двор, остановился у её подъезда, заглушил двигатель. В тишине стало слышно, как дождь стучит по крыше.

— Вот ваш дом, — сказал он.

Софи отстегнула ремень, взялась за ручку двери, но не вышла. Она сидела, глядя перед собой, и в голове шумело.

— Почему я? — спросила она, не оборачиваясь.

— Потому что вы единственная в этом здании, кто не пытается мне понравиться. И единственная, кого мне действительно хочется понять.

Софи повернулась к нему. В полутьме его лицо казалось резче, старше, и в глазах было что-то, от чего у неё перехватило дыхание.

— Я подумаю, — сказала она.

— Подумайте.

Она вышла из машины, не оглядываясь. Дождь был мелкий, тёплый, он оседал на волосах и ресницах. Софи дошла до подъезда, набрала код, и только тогда позволила себе обернуться.

Машина всё ещё стояла у тротуара с включёнными фарами. Давид не уезжал, пока она не скрылась за дверью.

В выходные Софи почти не выходила из дома. Она разобрала наконец чемоданы, развесила одежду в шкаф, разложила по полкам то небольшое, что привезла с собой. Квартира понемногу переставала быть временным пристанищем: на подоконнике появилась банка с засохшими цветами, купленная в переходе, на кухне — турка и две кружки, из которых пила только она.

Дождь шёл оба дня, не переставая. Софи сидела у окна с чашкой чая, смотрела, как капли срываются с листьев тополя, и думала о Давиде.

Она пыталась убедить себя, что это плохая идея. Он — её начальник. У них ничего не может быть. Любая связь на работе — это пересуды, косые взгляды, сплетни в курилке. Она только-только нашла место, где её никто не знает, где можно начать с чистого листа, и вот теперь сама готова вляпаться в историю, которая всё испортит.

Но был другой голос, тихий, настойчивый. Он говорил, что Софи не виновата в том, что на неё смотрят иначе. Что она имеет право на внимание, на тёплый разговор, на то, чтобы кто-то ждал её у подъезда, пока она не скроется за дверью.

В воскресенье вечером она сидела на диване, поджав ноги, и вертела в руках телефон. На экране был открыт новый чат — номер Давида она узнала ещё в первый день, он был в общем списке сотрудников. Софи смотрела на пустое поле ввода и не решалась начать.

Наконец она набрала одно слово, стёрла. Набрала другое, снова стёрла. Потом выдохнула и написала:

«Я подумала. Поужинать можно. Если предложение ещё в силе».

Ответ пришёл через минуту. Короткий, без лишних слов:

«В силе. Завтра, в восемь. Я заеду».

И ещё она помнила его взгляд в полутьме машины. Не жадный, не тяжёлый. Спокойный. Такой, от которого внутри что-то оттаивало, как замёрзшая земля под первым солнцем.

Софи отложила телефон, легла на спину и уставилась в потолок. Трещина от люстры к углу никуда не делась, но теперь она не казалась ей зловещей. Просто трещина. Просто дом, в котором можно жить.

ГЛАВА 3

Понедельник прошёл как в тумане. Софи механически отвечала на письма, перебирала бумаги, делала вид, что не замечает, как Давид, проходя через зал, чуть дольше обычного смотрит в её сторону. Катя что-то рассказывала про новые тапочки в офисе и про то, что кофемашину на втором этаже наконец починили. Софи кивала, улыбалась, а сама считала часы до вечера.

Она не была на свидании с тех пор, как всё случилось. С тех пор, как прежняя жизнь развалилась на осколки. И теперь, готовясь, она чувствовала странную смесь страха и предвкушения, как перед прыжком в холодную воду.

Дома она долго стояла перед зеркалом. Выбрала тёмно-синее платье — простое, с круглым вырезом, не слишком открытое, но и не строгое. Распустила волосы, потому что с хвостом чувствовала себя слишком по-офисному. Чуть тронула ресницы тушью, губы — помадой цвета спелой вишни. Отражение смотрело на неё настороженно, но уже не так испуганно, как неделю назад.

Ровно в восемь во дворе коротко сигналила машина. Софи выглянула в окно — тёмный автомобиль стоял у подъезда с включёнными фарами. Она накинула лёгкий плащ, взяла сумку и вышла.

Давид стоял у машины, облокотившись на капот. В тёмных джинсах и сером свитере вместо рубашки, с небрежно уложенными волосами. Он поднял голову, когда она вышла, и на секунду в его глазах мелькнуло что-то, от чего Софи почувствовала себя красивой. По-настоящему, без примеси страха.

— Ты пришла, — сказал он.

Она отметила, что он перешёл на «ты», но не стала поправлять.

— Я же написала.

— Могли передумать.

— Софи. Не вы.

Он усмехнулся, открыл перед ней дверь.

— Садись. Я знаю одно место, где кормят лучше, чем в этом вашем буфете.

Софи села в машину. В салоне пахло всё тем же одеколоном, но теперь к нему примешивался ещё один запах — свежий, вечерний, как будто он успел выйти на улицу перед её приездом.

Ресторан оказался небольшим, на тихой улице в старом центре. Кирпичные стены, приглушённый свет, свечи на столах. Давид выбрал столик у окна, помог ей снять плащ, отодвинул стул. Всё это он делал легко, без показной галантности, как человек, который привык заботиться.

Они заказали вино и горячее. Софи сначала сидела напряжённо, вцепившись в бокал, но вино было терпким, тёплым, и напряжение постепенно отпускало.

— Расскажи о себе, — попросил Давид.

— Что именно?

— Что хочешь. Почему уехала. Почему одна. Почему так насторожена.

Софи опустила взгляд на бокал. Внутри всё сжалось. Она знала, что этот вопрос рано или поздно прозвучит.

— Я не готова об этом говорить, — сказала она тихо.

— Хорошо. Не сегодня.

Он не настаивал. Просто отпил вино и посмотрел на неё так, словно давал понять: ему не нужно знать всё сразу. Ему достаточно того, что она рядом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.